

Но эта информация звучит для вьетнамского читателя глухо, так как им неизвестен Фонвизин, тем более неизвестно все стихотворение, в котором писатель обращается к “своему Савельичу”, Михаилу Шумилову, “любезному дядьке”, “наставнику и учителю”.

Реальный комментарий в переводах должен не только помочь читателю выявить цитаты, но и сориентироваться в месте и времени действия, в социальной обстановке. В этом смысле такой комментарий в переводе Као Суан Хао, на наш взгляд, недостаточен, как и чисто лингвистический комментарий. Например, остались без объяснения следующие понятия и слова: “Мосье” – *Мэ сы*, “Почтовый двор” – *Чам се тхы*, “Пеньковая трубка” – *Онг биеу банг бот да*, “Татарин” – *Зак Так та* и пр.

Может быть при первых изданиях романа во Вьетнаме (первом знакомстве читателей с ним) большим количеством примечаний не следовало слишком нагружать текст, но вероятно, они не должны быть неизменными от издания к изданию (как случилось в данном случае). На примере социальных характеристик Пугачева и Савельича, помощников героя, без которых он бы погиб в бытовых перипетиях и исторических коллизиях, мы старались показать, насколько точны реалистические типажи у Пушкина. В своем предисловии Као Суан Хао верно отмечает особую роль этих персонажей в судьбе героя, но объясняет это лишь незаурядными качествами личности Пугачева и самозабвенной преданностью Савельича. Это так. Но сами эти качества не случайно развиты в казаке и дворовом.

Переводчик художественного произведения сталкивается прежде всего с лингвистическими проблемами, так как в любом национальном языке содержатся разнообразные стилевые пласты, связанные с носителями (своеобразные социальные “диалекты”), с культурными влияниями изображенной в произведении эпохи.

“Чистота и безыскусственность” русского языка, которую в “Капитанской дочке” справедливо отмечал Гоголь, не снимает сложности указанной проблемы.

Прежде всего отметим важные в стилистике романа иноязычные вкрапления, играющие особую характеристическую роль. Уже в начале повествования появляется эпизодический персонаж (который, однако, не раз будет упомянут рассказчиком и впоследствии) француз Бопре: “Бопре в отечестве своем был парикмахером, потом в Пруссии солдатом, потом приехал в Россию *pour etre outchitel*, не очень понимая значения этого слова (...) К тому же не был он (по его выражению) и врагом бутылки, т.е. (говоря по-русски) любил хлебнуть лишнее”.

В переводе Као Суан Хао этот, одобренный незлобным юмором текст переведен так:

“Бопре во Франции был *брадобреем*, потом в Пруссии солдатом, потом приехал в Россию *pour etre outchitel* (чтобы работать учителем – примечание переводчика), хотя не очень-то понимал значения этого слова (...). Кроме того (по его выражению), Бопре тоже не был врагом *кувшинчика*, т.е. (говоря по-русски) очень любил выпить лишнее” [4, с. 24].

Французское вкрапление осталось и во вьетнамском переводе, что же касается контраста двух фразеологизмов: построенного по французской модели “не враг бутылки” (ср. фр. идиому “*aimer la bouteille*”) и русского “любить хлебнуть лишнего”, то они прозрачны по смыслу, только во втором случае необходимо было соблюсти просторечие.

Несколько более сложный случай представлен в речи оренбургского генерала Р., немца по национальности (в речи его, заметил рассказчик, “сильно отзывался немецкий выговор”). Подобную речь в русской литературе давно научились воспроизводить (вспомним хотя бы Вральмана в комедии Фонвизина или Трумфа в шутотрагедии Крылова): “Поже мой! – сказал он. – Тавно ли, кажется, Андрей Петрович, был еще твоих лет, а теперь вот уш какой у него молотец! Ах фремя, фремя! (...) Фуй, как ему не совестно! Конечно: дисциплина перво дело, но так ли пишут к старому камрад? (...) Эхе, брудер! так он еще помнит старые наши проказ?...”.

Во вьетнамском тексте:

“О, Небо! Только недавно, Андрей Петрович был такого возраста, а теперь сын его уже такой большой! Ах! Ах! Время, время таково! (...) Гм! Гм! откуда этот способ писания! Само собой дисциплина выше всего, но кто так пишет письмо старому однопольчанину (...). Эхе! Bruder! (братцы – прим. переводчика) так он еще помнит наши озорные выходки в прошлом, что ли!” [4, с. 256–257].

Как видим, тут воспроизведено немецкое слово “брудер”, но немецкий акцент все же пропал, так как во вьетнамской литературе этот прием не был отработан и потому едва ли был бы понят читателем.

Еще большую трудность представляет для вьетнамского читателя лингвистическая точность одного из эпизодов главы VI:

«“Что же ты молчишь?” – продолжал Иван Кузьмич, – али бельмес, по -русски не разумеешь? Юлай, спроси-ка у него по-вашему, кто его послал в нашу крепость?”

Юлай повторил на татарском языке вопрос Ивана Кузьмича. Но башкирец глядел на него с тем же выражением и не отвечал ни слова.